

Совесть — не разменная монета*

Писатель — совесть человечества. Однако бесспорность этого высказывания относится лишь к истинно талантливым людям, служащим своей планиде не ради куска хлеба, а потому, что иначе жить не могут. Посему писательский труд — подвижничество, но никак не способ скоротать досуг в стремлении к легкой славе «сочинителя». И чем труднее живется народу, а значит и писателю, тем ярче на этом темном фоне высвечивается его истинная сущность.

Давно читаю книги Николая Фотьева, с интересом знакомлюсь с его публицистикой, открывая страницы газет, ожидаю встречи с его новыми остроумными баснями и сатирическими стихотворениями. Дорожу личным общением с этим человеком, уже давно заслужившим право называться классиком амурской литературы благодаря широте творческого диапазона, высокой художественности и всё прозревающей мудрости. И никакого священного ужаса и трепета не испытываю при написании этого слова — «классик», к чему и вас призываю в сердечной дружелюбности. Хотя и не навязываю своего мнения.

Так уж вышло, что статья Н. Фотьева «Искусство и рынок», опубликованная в газете «Амурская правда» 25 января с. г., попала в мои руки месяцем позже. В тот день мы были поражены страшным горем, обрушившимся накануне: кончиной известного русского писателя, нашего земляка Бориса Машука. Похоронные хлопоты отодвинули все на второй план, душа разрывалась от невозполнимой утраты и страшной необходимости поверить в случившееся. Такие потери с особой силой подчеркивают краткость и бренность нашего телесного бытия, но они же, напротив, свидетельствуют и об ином: насколько достойно и наполненно, честно и бескорыстно человек потратил свои дни на земле.

* Авторское название статьи. В газете было — «Совесть не продается»

В казне областной писательской организации скудных членских взносов хватало лишь на венок ко гробу друга, а ведь вечное упокое-ние нынче стоит немалых средств и больших хлопот. И как же утешительно было ощутить народное сочувствие к семье Бориса Андреевича в годину невосполнимой утраты! Первым приехал в Союз писателей с деньгами и предложением помочь транспортом и иным образом представитель Благовещенской ТЭЦ. За ним потянулись другие — кто с пенсионным рубликом, кто с солидным вкладом. За два дня удалось с миру по нитке собрать необходимые деньги и достойно похоронить человека, так много сделавшего для нашей культуры. И в том, что он лег в землю рядом со своими старыми друзьями — композитором Николаем Лошмановым и певцом Валерием Побережским, есть перст Божий, не пожелавший разъединять их и после смерти.

На этом фоне всеобщей сердечности и поистине христианской духоподъемности канули и растворились чернильными пятнами в великой реке Времени личины недоброжелателей, ибо, чего греха таить, у Бориса Машука, как и у всякого большого писателя, были недруги — мелкодушные и завистливые. Я не называю фамилий, чтобы не осквернить память товарища их упоминанием рядом с его светлым именем. И все же пишу об этом, потому как из песни слова не выкинешь.

Лично для меня смерть Бориса Андреевича обрела символическое значение, почти метафорическую силу, ибо она знаменует собой долю русского литератора на том рынке нравственных и иных ценностей, о которых пишет в своей статье Н. Фотьев. В некрологах, подписанных представителями власти и соратниками-писателями, о Борисе Машуке сказано главное. Но не всё. Кто бы знал, как мучительно было творцу видеть разгул как раз этого самого дикого рынка, на котором не находилось ни места, ни денег для издания его новых книг. Страшно сказать, последняя прижизненная книга рассказов Бориса Андреевича «Горькие шанежки» вышла в свет 22 года назад. А ведь писатель все эти годы работал не покладая пера, свидетельство тому — его публицистика. Его осиротевший письменный стол забит рукописями неопубликованных рассказов и повестей. Он мечтал о новой книге, и можно себе представить, чего этому мастеру слова стоило видеть низкопробную макулатуру иных скороспелых да разворотливых литераторов, в которой не сыщешь пищи ни уму, ни сердцу даже днем с огнем.

И ведь речь идет не о рядовом писателе, а об основателе и многолетнем руководителе Амурской писательской организации, лауреате Всесоюзной литературной премии и победителе ряда всероссийских конкурсов, чье имя известно далеко за пределами Приамурья и любимо многими поколениями читателей. И убила Машука именно гайдаровская «шоковая терапия», а не что иное. Сделано это с откровенным цинизмом, холодной расчетливостью и откровенной жестокостью. Именно так я считаю и бросаю слова гнева всем, кто мог бы, да не захотел поддержать выпуск книг писателя, укоротив тем самым его дни.

Но перед лицом вечности шкала оценок, которой мы пользуемся в обиходе, теряет свою мнимую истинность. Борис Машук был и останется в своих книгах, перевоплощенный, согласно законам творчества, в героев его лучших произведений — Рулева, Лютова и других самоотверженных русских людей, истинных патриотов. А вот грядущее «хозяев» нынешней действительности, доведших нашу культуру до нищенского прозябания, куда как плачевно, несмотря на радостно показное обжорное повизгивание у корыта с заокеанской снедью. Проклятые при жизни, они обречены на бесславное забвение в будущем. Ну разве что уж самые одиозные — типа Горбачева, Ельцина и Чубайса — займут свое место в музее восковых фигур монстров и уродов нашего смутного века.

И Борис Машук не жил, и Николай Фотьев, и многие другие амурские писатели давно уже в постперестроечное время не живут плодами своих профессиональных трудов. Спекулятивный бизнес, делание денег из денег (воплощенная греза мирового сионистского банковского капитала) резко сменили приоритеты нравственных и иных ценностей современного быта. Куда уж тут было Машуку на своей инвалидной «иномарке» — «Таврии» — тягаться с «крутыми» джипами, за рулями которых восседают двадцатилетние рэкетеры и проститутки! Но разве мерилom человеческой ценности и достоинства можно считать престижные вещи, даже если они освящены шелестом зеленых долларовых купюр? Нет, и еще раз — нет, и навечно — нет!

Лучшие наши писатели — и ушедшие из жизни А. Побожий, И. Еремин, Е. Замятин, Б. Машук, В. Яганов, и ныне здравствующие А. Терентьев, Н. Фотьев, О. Маслов — истинные провидцы и мудрецы, которых нельзя купить ни за какие соросовские и букеровские подачки. Как тут не вспомнить слова А. Чехова: «Настоящий писатель — то же, что древний пророк: он видит яснее, чем обычные люди». Одна-

ко же сразу приходит на ум и библейское: «Великое знание рождает великую печаль». А посему и Гоголь в том же ряду: «Скучно на этом свете, господа...»

Христос в начале своего мессианского пути выгнал торговцев из храма. Вот почему уже две тысячи лет чтят его дела в том числе православные и иные христиане. Его ученики оставили нам книги, на которых человечество учится жить по совести. И если мы и теперь пишем книги, то должны быть готовы к изгнанию своим бичующим Словом торговцев во храме отечественной словесности и к крестному пути на Голгофу. «Помощников» в последнем деле искать долго не придется.

Но совести своей не продадим ни за тридцать сребреников, ни за любое количество долларовых грантов. На том стоим и стоять будем.

«Амурская правда», 25 января 2000 г.